

Черная
ЛЮБОВЬ

Бейза
Аксой

Siyah **KUĞU**

**Beyza
Aksoy**

Черная **ЛЮБОВЬ**

**Бейза
Аксой**

TREND
BOOKS

ГЛАВА 1

НИЛЬ ХАН.

Это мое имя. Короткое и простое. Возможно, я никогда полностью к нему не привыкну, но верю, что оно меня определяет. Более длинное и замысловатое имя, вероятно, не подошло бы такому простому человеку, как я.

И все же есть вещи, которые я начала постепенно принимать. Иногда мне кажется, что я не совсем человек. Я похожа на окружающих, но одновременно и отличаюсь от них. Внутри меня скрывается нечто иное. Секрет, заставляющий лгать семье и не подпускать к себе людей... Секрет, день за днем разрушающий меня изнутри все сильнее. Я чувствую себя канатоходцем, балансирующим на грани жизни и смерти, не в силах решить, храбрая я или глупая. И этой бездне, над которой я танцую каждый миг, нет конца. Единственное, что я различаю в глубокой темноте, — это светящаяся полная луна. И ночь, чистая ночь, в чьи руки я отдала свою душу. Хотя просто «ночью» назвать ее мало. Я это знаю.

— Ниль, Зейнеп-ходжа обращается к тебе, ты что, не слышишь?

Я поняла, что меня позвала учительница, которая вела урок. Спасибо Нисан, моей близкой подруге, или, возможно, будет правильнее сказать, единственной подруге.

— Ниль, ты выглядишь неважно. До звонка еще пятнадцать минут. Может, тебе стоит выйти и подышать свежим воздухом?

Закрывая книгу, Зейнеп-ходжа подошла ко мне и неожиданно прикоснулась к моему лбу тыльной стороной ладони. Это прикосновение застало меня врасплох, и я, словно от удара, резко дернулась. Она сама слегка дрогнула:

— Ниль... Ты такая холодная, ты замерзла? Может быть, ты заболела?

Пока я пыталась найти ответ, вмешалась Нисан:

— У Ниль анемия. — Я быстро кивнула. — Вот почему она такая холодная.

— Даже в такую жару...

— Зейнеп-ходжа, — вставая, я посмотрела на Нисан и произнесла: — Вы правы, я не очень хорошо себя чувствую, меня подташнивает. Можно мне выйти?

Нисан уже успела догадаться, куда я направляюсь, и бросила на меня один из своих многозначительных взглядов, но сейчас мне не удалось ей ответить. Внимание нашей учительницы литературы и всего класса было приковано ко мне.

— Конечно! И загляни к медсестре. На тебе лица нет, — произнесла она, качая головой.

Я встала из-за парты и направилась к выходу. Когда я покидала класс, Зейнеп-ходжа начала перечитывать абзац, на котором остановилась.

Стоял октябрь, на улице было не очень холодно. Если бы мне пришлось объяснить свое состояние, стоило бы сказать, что виновата я сама. Или он. Я не была уверена, что смогу разложить все по полочкам. Мне всегда казалось, что проще действовать, чем говорить.

Он гордость нашей школы. Они с друзьями пропустили урок перед обеденным перерывом ради тренировки и теперь вместе с тренером отрабатывали последние упражнения перед звонком на большой спортивной площадке, окруженной трибунами. Три шага, потрясающий поворот и бросок точно в корзину. Они готовились к завтрашнему важнейшему баскетбольному матчу между Северной и Восточной средними школами. Хотя большинство городских, региональных и республиканских матчей проходили в декабре, эта игра тоже была для них важна, поскольку команда поставила цель свести число поражений к нулю. Это была его возможность доказать свою истинную силу и получить шанс на стипендию для обучения в университете. Вот что мне известно, хотя я и не слышала этого от него самого.

Выйдя из класса, я спустилась во двор, пробралась в самый конец трибун и стала наблюдать за ним из точки,

где он не мог меня заметить. Нисан знала, что я пойду сюда. Мне казалось, что, если не увижу его, день будет испорчен. А я не видела его с самого утра!

После финального свистка парни бросились на траву. До звонка оставалось несколько минут. Проходя мимо трибуны, я услышала, как он сказал своему другу:

— Эх, хоть бы сейчас подул ветерок.

Я улыбнулась, когда остальные лишь устало промычали в знак согласия. Поблизости не было ни души, кроме чирлидеров, разминавшихся впереди, но и те были слишком далеко, чтобы меня заметить. Поэтому я глубоко вздохнула и закрыла глаза. Через несколько секунд я почувствовала прохладный ветерок. Спортсмены, лежавшие на земле, с радостными возгласами вскочили, раскрыв руки и подставив лица ветру, а я быстро сошла с трибуны и направилась в сторону здания школы. Я оглянулась посмотреть на них, когда Каан запрыгнул ему на спину со словами:

— Чувак, ты избранный, что ли?

Он с улыбкой пожал плечами, а я с такого расстояния смогла разглядеть ямочку на его правой щеке. Ветер развеивал мои волосы.

Стоило мне войти в здание школы, прозвенел звонок. Чтобы не терять времени, я спустилась в столовую занять место и, сев за дальний стол, стала ждать Нисан.

Мы учились в выпускном классе и оканчивали школу в этом году. Он собирался уезжать. Парень, которого я знала с самого детства и чувства к которому всегда хранила в тайне, уезжал в Америку. Парень из Сейхана покидал свой родной город и улетап за границу. Я никогда больше не увижу его, никогда не поговорю с ним, и то, что мне нужно было сказать ему, навсегда останется секретом. Я всегда буду держать это в себе.

Когда мне было семь лет, его семья переехала на нашу улицу. Наши дома были в пяти минутах ходьбы друг от друга. Он завладел моим вниманием с того самого момента, как появился здесь. Каждый день в пять часов он отправлялся в парк у побережья, сидел на скамейке и наблюдал за людьми. Иногда он забирался на скалы и бродил по ним, а потом возвращался домой. В подростковом возрасте он

изменился. Начал кататься на скейтборде вместе с друзьями-сверстниками и парой девчонок. Но одно оставалось неизменным: пять часов дня, тот самый парк, тот же берег. И я, наблюдающая за ним.

В старших классах он увлекся баскетболом. Иногда я видела, как он играет на площадке, построенной его отцом во дворе их дома, сейчас же он играл по-настоящему. Настоящие соперники, настоящий трофей, настоящая игра. Но когда наступало пять часов дня, он снова шел в парк. Снова на побережье.

И вот у него появилась девушка. Она была одной из самых популярных девочек в школе, но их видели вместе всего две недели. Они были красивой парой, но по ним было видно, что подходят друг другу они только внешне. Прошел год, мы стали взрослее, и, казалось, чем незаметнее становилась я, тем стремительнее росла его популярность. Я издали наблюдала за девочками, которые оставались после уроков, чтобы посмотреть на его тренировки. Когда звенел звонок, они все спешили в туалет переодеться и подправить макияж... Затем толпой шли на спортивную площадку, садились на трибуны и наблюдали за тренировками и товарищескими матчами. Куча фотографий, видео... К счастью, в конце того года тренер договорился с директором, и посторонним запретили приходить на поле.

Конечно, были там и девочки-чирлидеры — группа поддержки. Им было разрешено присутствовать. Они неподалеку репетировали хореографические номера и в то же время подглядывали за парнями из команды. Тогда ценность группы поддержки возросла, и, конечно, попасть в нее стало сложно. Капитаном чирлидеров была Мина. Они встречались с начала года и расстались месяц назад. Я не знала точно, но, по словам Нисан, он застал ее с каким-то парнем на вечеринке. Мина была хорошей девочкой и, как и он, славилась в школе и в округе своей красотой. Я понятия не имела, что там произошло, но, как бы Мина ни пыталась сблизиться с ним после, его друзья не разрешали ему видеться и разговаривать с ней. Мина признавала свою вину и постоянно извинялась, но его решение было четким и неизменным. Они были влюблены друг в друга, я знала

это. Все знали. Они были золотой парой. Золотая девочка и золотой мальчик школы. Идея поехать в Америку возникла у него сразу после того, как они расстались. Я знала, что у них были общие мечты об университете, и теперь Америка казалась ему единственным способом сбежать от Мины. Или у Сплетницы, от которой я все это узнала, была слишком бурная фантазия, и она умела сочинять красивые сказки. Я не была в этом уверена.

— Что с тобой, Ниль?

— В смысле?

— Ну, в смысле на тебе лица нет. Ты сейчас в таком состоянии, что, если я включу арабеск, ты начнешь подпевать. Может, мне врубить одну из твоих самых душераздирающих песен? Я вчера как раз подписку на музыку оформила. Теперь могу слушать треки даже офлайн!

Но, заметив мое каменное выражение лица, она остановилась и нахмурилась:

— Он опять что-то сделал? Что стряслось? Он ведь что-то натворил, да?

Я откинулась назад и сложила руки на груди:

— Вовсе нет, просто сегодня мы будем учить новый танец, поэтому я разнервничалась.

Я пожала плечами, когда она подняла брови и вопросительно посмотрела на меня. Она знала, что я думала о нем. Я всегда думала о нем.

— Если ты уже пришла в себя, может, уgomонишь уже этот ураган на улице? И я знаю, что сегодня у тебя нет занятий по хореографии, — прошептала она, садясь рядом и кивком указывая на окно впереди.

Три девушки буквально не видели ничего перед собой из-за неистового ветра, трепавшего их волосы. Когда бандана на голове брюнетки и очки той, что была рядом с ней, улетели в сторону, мои глаза увеличились от удивления, а ветер успокоился, и тяжесть, которую я чувствовала в груди, исчезла.

— Ниль, когда ты научишься держать под контролем происходящее?

Мы поднялись, отодвинув стулья, и встали в очередь за едой.

— Понятия не имею, — пробормотала я, взяв поднос.

— Как долго продержится такая погода? — уточнила она и, встав в очередь за мной, развернулась и начала выбирать еду.

Я громко выдохнула. Мне следовало притвориться, что я не понимаю, о чем она говорит, но я знала, что она все видит насквозь, ведь мы были не разлей вода еще со средней школы.

— Какая погода? Ветер же стих.

— Да ладно тебе, Черный Лебедь, — сказала она, закатив глаза.

Это было мое прозвище. Поскольку я всегда одевалась в черное, ребята из танцевального клуба называли меня Черным Лебедем. Я не занималась балетом, но из-за своей гибкости очень легко двигалась. В каком-то смысле я смешивала хип-хоп с балетом — это была моя слабость, от которой я не могла избавиться, как бы ни старалась полностью уйти в свой стиль.

— Я не играла с погодой.

— Ниль, метеорологический центр не может объяснить эти резкие перепады температуры в Сейхане. По их прогнозам, здесь уже должно быть наводнение, но нет ни капли дождя. Мы-то знаем, как легко ты это делаешь.

— И зачем мне это? — Когда наша очередь подошла, мы взяли вилки, ложки, ножи, салфетки и пошли к столу. — Уж не потому ли, что завтрашний матч пройдет на открытом воздухе?

Вот ключевая фраза: завтрашний матч пройдет на открытом воздухе. Наш спортзал был на ремонте, и я знала, что, если я позволю погоде идти своим чередом, наша команда не сможет тренироваться здесь. Им пришлось бы просить разрешения у другой школы, чтобы занять их зал, но в прошлый раз это закончилось дракой между учениками. Более того, пока директор той школы даст разрешение, наступит день матча, и они даже не смогут как следует подготовиться. Приоритет на поле для игры был у нашей школы, и единственным шансом была открытая спортивная площадка. Дяде Ахмету это тоже было на руку: во время матча он мог подзаработать, продавая воду и еду. Мои игры

с погодой были безобидны. Тем более что я собиралась все исправить после матча.

— И разве этот ветерок не для нашей баскетбольной команды, которая умирала от жары?

Я глубоко вздохнула, она так хорошо меня знала.

— Ладно, ладно, сдаюсь, это я, — признала я свою вину.

Странно, что она ни о чем не спрашивала до сих пор. Нисан знала обо мне все. И я тоже знала все о ней.

— Они точно выиграют эту игру, — перевела она тему.

Я кивнула, прихлебывая суп.

— Ты знаешь, что школьный балл растет с каждым их успехом? Если мы выиграем эту игру, балл еще повысится и нам будет проще поступить в хорошие университеты. Директор сказал, что если они выиграют чемпионат в этом семестре, то нам всем организуют лагерь, чтобы снять экзаменационный стресс. Это только для того, чтобы развлечь старшеклассников. На баскетболистов снова возлагают большие надежды.

— Как мило. — Я начала есть макароны с соусом.

— Ты меня слушаешь? — спросила Нисан, помахав передо мной рукой.

И как только я подняла глаза, в этот момент... он и его друзья вошли в столовую, после душа и в школьной форме. Я смотрела и думала, что все это лишь плод моего воображения, но затихший шум вокруг и то, как девчонки разом повернули головы в их сторону... Что ж, если это и было заблуждением, то явно не только моим, потому что Нисан тоже уставилась на их компанию.

— Они и так нос задрали, а ты добавляешь им радости, обдувая их ветром. Ниль, я тебя совсем не понимаю.

— Он не такой, — сказала я. Я даже не могла вспомнить, сколько миллионов раз говорила это. Я просто знала. Он не такой.

Если бы он был «таким», мое сердце не выбрало бы его. Если бы он был «таким», я бы не увидела его среди миллионов других. Если бы он был «таким», я бы поняла это за все это время, ведь я влюблялась в него с каждым годом все сильнее и сильнее.

— Ниль, давай будем реалистами. — Нисан откинулась назад и посмотрела на меня.

Когда я отвела взгляд от их компании, расположившейся за своим привычным столом, она продолжила:

— Сколько раз ты с ним разговаривала?

— Я была на каждом его дне рождения начиная с семи лет, — быстро ответила я.

— И ни на одном из них ты с ним не разговаривала, — сказала она. — Ниль, мы оканчиваем школу... Это последний год. Не думаешь, что пришло время сказать ему о своих чувствах?

— Нет, — возразила я, — это началось тихо и закончится так же. Никто не услышит. Нисан, он уедет... Он уедет в Америку. И даже если я скажу ему, ничего не изменится. Мы уже миллион раз говорили об этом, незачем опять повторять все то же самое.

— Но тебе пора это перерастить! Хватит уже заикливаться на этом парне. Он ничем не отличается от остальных.

— Не знаю, наверное... Наверное, ты права. — Я выдохнула и провела рукой по волосам.

— Конечно, права, — рассмеялась она, и я улыбнулась.

Это не было эгоизмом, просто у нее была та самая здоровая уверенность в себе, которая должна быть у каждого. Я же дала такой ответ, чтобы отвлечь ее, поскорее закрыть тему и сменить русло разговора.

— В любом случае, — я встала и взяла свой поднос, — я не собираюсь проводить весь обеденный перерыв в столовой. Пойдем во двор? Мы можем поесть и там. Погода такая хорошая. — И я подмигнула Нисан.

— Ты сумасшедшая, сумасшедшая... — Встав с места и бормоча, она направилась за мной.

В то же время он встал из-за стола, за которым сидел с друзьями, и внезапно повернулся в нашу сторону. Я уже собиралась аккуратно пройти мимо, когда Нисан подставила мне подножку и толкнула меня к нему, и все содержимое моего подноса оказалось на его белоснежной рубашке. Это именно тот момент, который я хотела бы перемотать назад. Вот бы иметь такую возможность... Все посетители

столовой повернулись к нам, и голоса стихли. Мой взгляд метался между Нисан, которая с невинным видом вскинула руки и смотрела так, будто она тут ни при чем, и парнем передо мной, чью одежду я безнадежно испортила.

— О, нет... — Я закрыла лицо руками и пожелала, чтобы это был сон, но звук металлического подноса, упавшего к моим ногам и эхом разнесшегося по столовой, не оставлял иллюзий: все это реальность. — Я... мне так жаль, черт возьми. Я не знаю, что сказать.

Выругавшись себе под нос, он кончиками пальцев оттянул промокшую ткань от груди. Он стоял, наклонив голову, так что я видела только его волосы. Они пахли шампунем, но, кроме этого, я почувствовала еще один запах: салеп и корица? Нет. Может быть, мне показалось?

— Надо же быть такой невнимательной... — пробормотал он и, посмотрев мне прямо в лицо, тяжело вздохнул.

А я увидела Мину, которая колебалась — встать из-за стола или остаться на месте. Когда одна из подруг схватила ее за руку и остановила, она уселась обратно.

Не зная, что сказать, я вцепилась в руку Нисан, которая уже успела отставить свой поднос в сторону, и торопливо потащила ее к выходу из столовой. Пройдя мимо тех, кто с недоумением наблюдал за происходящим, я влетела в женский туалет и прижала Нисан к стене:

— Что, черт возьми, ты только что сделала? — прошипела я.

Она вырвала руку и ответила тем самым «кричащим» шепотом:

— Что, по-твоему, я сделала? Ты, наверное, скажешь, что я пересмотрела фильмов. Но именно ты показала мне, что эти фильмы вполне реальны, — сказала она, эмоционально размахивая руками. — Ты знаешь, каково это — годами смотреть, как ты сохнешь по этому парню? Ниль, я хотела, чтобы что-то началось. Разве не так бывает в кино? Я просто хотела, чтобы это произошло, потому что мы в этом году оканчиваем школу, и чем больше ты стараешься поддерживать его и облегчать ему жизнь на расстоянии, тем больше это меня бесит. Ниль, он ни о чем не догадывается. Он не знает, что ты для него сделала, и я, как твоя лучшая

подруга, не могу на это смотреть. Ты не можешь забыть его и не можешь сблизиться с ним. Просто стоишь в сторонке и наблюдаешь, как он общается с другими девчонками, как флиртует... Как ты можешь это терпеть? Да, я поставила тебе подножку, и ты уронила поднос ему на рубашку, так он хотя бы увидел твоё лицо, и теперь, если кто-то покажет ему твою фотографию и спросит: «Эта девушка учится в вашей школе?», он не сможет сказать: «Я никогда ее не видел, наверное, она не из наших».

Именно в этот момент все чувства и весь гнев, которые Нисан держала внутри, выплеснулись наружу.

— Подожди, подожди, — остановила я ее, пытаюсь уточнить. — Кто это показал ему мою фотографию и получил такой ответ? А? Чтобы он мог так сказать, кто-то должен был это сделать. Или же... Это ты, Нисан, показала ему мою фотографию и спросила: «Эта девушка из вашей школы?»

— Я. — Она закрыла глаза, прислонилась к стене и запустила руки в волосы. — Да, но не злись на меня за это, ты всегда говорила: «Я клянусь, если бы ему показали мою фотографию, он бы ответил, что я не из этой школы, ведь он не знает о моем существовании».

— И ты решила проверить? — Пытаясь подавить гнев, я отстранилась, открыла кран и умылась ледяной водой, чтобы прийти в себя. После нескольких секунд молчания я вытерла лицо и, прислонившись к стене напротив Нисан, глубоко вздохнула. — Когда это было?

— Несколько месяцев назад, во время летних каникул. Я шла по вашей улице, а он выходил из своего дома с баскетбольным мячом в руках и направлялся к набережной. Я достала из кошелька твою фотографию, подошла к нему и спросила.

— Он сказал что-нибудь еще?

— Нет, после того как он ответил, я поблагодарила его и ушла.

— Теперь ты понимаешь, почему я ему ничего не рассказываю о своих чувствах? Нисан, я ему неинтересна. Я была на всех его днях рождения с семи лет, наши мамы дружат уже много лет, мы живем на одной улице, учимся в

одной школе и даже на математику ходим в одну группу. Но он меня не видит! Он не знает моего имени. Даже когда ты показала ему мою фотографию и спросила, учимся ли мы в одной школе, ты своими ушами услышала правду, ответ на тот вопрос, который я так долго искала у себя в голове. Вот почему я молчу. Так ты спрашиваешь меня, почему я помогаю ему просто так и поддерживаю его, даже если он не знает об этом? Потому что я не могу, не могу этого не делать. Я не знаю, есть ли у этого какое-либо название или что это такое, но я просто не могу этого не делать. Я не могу не быть рядом с ним, когда ему это нужно.

Я закрыла лицо руками и присела. Через несколько секунд Нисан присела рядом со мной, обхватила мои запястья и мягко убрала руки от лица.

— Ниль Хан, — сказала она, — ты самый особенный человек, которого я когда-либо встречала в своей жизни.

Я попыталась рассмеяться:

— Да, я знаю, я супергерой.

— Нет, — рассмеялась она, но я все понимала по ее взгляду. — Я не об этом... ты знаешь, о чем я. — Она обхватила меня руками.

Я тоже обняла ее в ответ и закрыла глаза, положив голову ей на плечо.

— Больше его не будет, хорошо? Перестань беспокоиться о нем. Постарайся забыть его. Не позволяй ему больше ранить твое сердце.

— Хорошо, — сказала я, не открывая глаз и зажмурившись еще сильнее. Словно если закрыть глаза крепче, то в самом деле получится все забыть.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Мы так и просидели весь обеденный перерыв, обнявшись.

Я с детства была одиночкой. Мне нравилось быть одной, что бы я ни делала. Мы с папой вместе построили домик на дереве, и я большую часть времени проводила там. Летом я часто оставалась там ночевать... Мне нравилось смотреть на небо, наблюдать за звездами и давать им имена. Разговаривать с ними. Мой отец был инженером-астрономом, сво-

его рода ученым. Раньше у него было больше времени на меня, но несколько лет назад он расширил свой бизнес, и они с мамой стали много работать вместе. Мама была метеорологом компании. Она часто задерживалась на работе, если с погодой происходило что-то серьезное, и тогда я могла включить телевизор и увидеть ее в прямом эфире, потому что она вела передачу на официальном телеканале. Однажды родители не возвращались домой три дня, и я чуть не сорвала крыши с домов, только чтобы увидеть маму по телевизору. Иногда я не могла контролировать свои действия — на самом деле часто, — и понимала я это слишком поздно. Небо и погода — это последнее, с чем хотелось играть. Я могу сказать это со стопроцентной уверенностью.

Был июнь, через полгода мне должно было исполниться четырнадцать. В четверг вечером мама с папой снова уехали. Как обычно, они постоянно звонили, проверяли, заперла ли я двери, и просили меня не выходить на улицу. Я смотрела на маму по телевизору, тогда я была еще самой обычной девочкой.

Говорили об эффекте кометы. Комета должна была пройти совсем близко от Земли, и это могло все испортить в небе. По вине кометы могло начаться наводнение, которое может превратиться в бурю... Это было опасно. На экране большими светящимися красными буквами было написано слово: «Опасно».

В ту ночь я не спала и наблюдала за небом через большой телескоп в комнате отца. Несмотря на то что была ночь, все небо окрасилось в зеленые и синие цвета и буквально сияло. Я никогда не видела ничего подобного и не понимала, что это ненормально. Я была как под гипнозом, но и это не все. На улицах было так тихо, что мне казалось, будто я попала в фильм ужасов, но я ничуть не испугалась. Когда цвета неба загорелись оттенками красного, сияние кометы заполнило собой все пространство. Сквозь открытую дверь террасы мне было слышно голос мамы из телевизора — я оставила громкость на полную:

— Есть угроза для жизни, — говорила она. — Повторяю, это не учения. Пожалуйста, оставайтесь в помещении и не смотрите на небо. Закройте шторы и, если возможно,